

Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай)*

С.С. Матренин, А.А. Тишкин, Л.М. Плетнева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Projectile Weaponry Complex of the Xianbei-Zhuzhan Time from Stepushka-I Burial Ground (Central Altai)

S.S. Matrenin, A.A. Tishkin, L.M. Pletneva

Altai State University (Barnaul, Russia)

Цель настоящей статьи — введение в научный оборот результатов хронологического изучения средств реализации дистанционного боя, обнаруженных при раскопках погребений сяньбийско-жужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае. Обозначенный археологический комплекс исследовался экспедицией Алтайского государственного университета летом и осенью 2010 г. в зоне строительства автомобильной дороги. В публикации представлены развернутая характеристика полученных вещественных источников, классификация и типология луков и железных наконечников стрел, аналогии найденным артефактам в археологических коллекциях из памятников конца I тыс. до н.э. — 1-й половины I тыс. н.э. разных регионов Северной и Центральной Азии. Типологический анализ данных изделий позволил определить их датировку и генезис. Начальный этап использования железных наконечников стрел типов 8 и 9 на территории Алтая, скорее всего, соотносится с рубежом III–IV вв. н.э. Наиболее многочисленными такие наконечники становятся во 2-й половине IV — 1-й половине V в. н.э. Изученные материалы будут использоваться для уточнения периодизации булан-кобинской культуры Алтая.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская археологическая культура, сяньбийско-жужанское время, наступательное оружие, луки, железные наконечники стрел, классификация, типология, хронология.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-21

The paper is aimed at introducing to the academic community the main results of chronological study of the ranged weapons found at the excavation site of the Stepushka-I burial ground of the Xianbei-Zhuzhan Time in Central Altai. This archaeological site was investigated by Altai State University's expedition during the summer and autumn of 2010 at the highway construction area. The period studied, from the end of I millennium B.C. to the first half of I millennium A.D., is marked by the further development of offensive weapons used by the Bulan-Koby's population in the Xianbei-Zhuzhan Time. Most types of compound bows and iron arrowheads can be dated from observable chronological framework (II–V centuries B.C.) The paper presents a detailed description of the obtained material sources, classification and typology of bows and iron arrowheads, their functional elements, its typological analysis and analogy of the artifacts found in the archaeological collections of monuments of late I century B.C. — the first half of the I millennium A.D. in different regions of North and in Central Asia.

Key words: Altai, the Bulan-Koby Culture, the Xianbei-Zhuzhan Time, offensive weapons, bows, iron arrowheads, classification, typology, chronology.

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Введение. Курганная группа Степушка-I была зафиксирована в 2010 г. в окрестностях одноименного (ныне нежилого) селения в Онгудайском районе Республики Алтай на третьей надпойменной террасе правого берега Урсула. Погребальный памятник попадал в зону строительства автодороги, идущей от 651 км Чуйского тракта по долине к месту слияния Урсула с Катунью. Полностью раскопанный некрополь включал 30 погребальных и ритуальных сооружений булан-кобинской культуры, компактно расположенных на северо-западной оконечности мыса [1]. Большинство исследованных объектов содержали захоронения мужчин с оружием дистанционного боя, представленным остатками луков и стрел. Несмотря на то, что изучению данных категорий изделий из памятников Алтая посвящен обширный корпус работ [2–10], имеющиеся коллекции деталей луков и стрел сянбийско-жужанского времени (II–V вв. н. э.) в своей значительной части по-прежнему не опубликованы. Данное обстоятельство определяет актуальность полноценного издания найденных нами вещественных источников. Предлагаемая публикация продолжает цикл статей, посвященных комплексному изучению археологических материалов курганной группы Степушка-I [11–20].

Луки. Сложносоставные луки, усиленные костяными (вернее, роговыми) накладками, найдены в девяти мужских (курганы № 1–2, 5, 7–9, 13, 17, 19) и одном детском (курган № 6) погребениях. В захоронениях они обычно помещались со снятой тетивой с левой стороны от умершего (курганы № 1, 2, 5, 7, 13) или сверху покойного (курганы № 6, 8, 9, 19). Только в кургане № 17 лук лежал справа от человека. В кургане № 8 зафиксирован лук с надетой тетивой.

Для системного описания луков использовалась классификационная схема В.В. Горбунова [10], в которую были внесены незначительные изменения при наполнении отдельных таксономических единиц. Группа выделяется по конструкции лука, разряд характеризует его форму (со снятой и надетой тетивой), раздел фиксирует общую длину лука (со снятой тетивой), отдел определяется количеством накладок на кибити, тип уточняет состав набора накладок. На уровне варианта рассматривались морфологические особенности накладок (толщина, форма, пропорции), а также соотношение длины рогов луков¹. В результате систематизации выделены одна группа, один разряд, один раздел, три отдела, три типа луков, дополненных пятью вариантами.

Группа I. Сложносоставные. Основу лука составляет деревянная кибить из двух или трех частей, определенные места которой снабжены роговыми (костяными) накладками, а также обернуты и проклеены пучками сухожилий и полосами бересты. К сожалению,

¹ При описании нами опускалась информация о характере насечек на внутренней и внешней поверхности накладок.

остатки деревянной кибити не зафиксированы ни в одном захоронении курганной группы Степушка-I.

Разряд I. С-М-образные. Форма лука со снятой тетивой напоминает букву «С». С надетой тетивой лук становится похож на букву «М».

Раздел I. Длинные. Длина лука со снятой тетивой составляет 140–155 см.

Отдел I. Луки с семью накладками.

Тип 1. Из четырех концевых и трех срединных накладок (концевых — четыре боковые; срединных — боковая цельная, боковая составная, одна тыльная).

Вариант а. Концевые накладки — тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (около 30 см), узкие (ширина в проекции головки — 1,6 см, в средней части длины — 1,3 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (рис. 1.-1–2, 7–8). Одна срединная боковая накладка — тонкая (0,3–0,4 см), трапециевидная, длинная (около 26 см), широкая (2,6 см). Окончания накладки срезаны под острым углом или имеют незначительные скругления (рис. 1.-4). Вторая срединная боковая накладка сильно фрагментирована (рис. 1.-6). Она имела составной сегмент вытянуто-овальной формы размерами 11,1x2,3 см, толщиной 0,3–0,4 см (рис. 1.-3). Срединная тыльная накладка — тонкая (0,3–0,5 см), весловидная, длинная (около 32 см), узкая (ширина у окончаний — 2–2,6 см, в средней части длины — 1,1–1,6 см), с выраженными лопаточковидными окончаниями (рис. 1.-5). К данному типу относится лук из кургана № 1. Соотношение длины верхнего и нижнего рогов кибити точно не установлено ввиду плохой сохранности концевых накладок. Можно допустить, что данный лук был асимметричным, если принять во внимание, что большинство луков булан-кобинской культуры имели разную длину верхнего и нижнего концов кибити [10, с. 23–24].

Тип 2. Из четырех концевых и трех срединных накладок (концевых — четыре боковые; срединных — две боковые и одна тыльная)².

Вариант а. Концевые накладки — тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (30–32 см), узкие (ширина в проекции головки — 1,4–1,6 см, в средней части — 1,2–1,5 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (рис. 2.-1–2, 5–8, 12–13). Срединные боковые накладки — тонкие (0,2–0,4 см), трапециевидные, длинные (23–27 см), широкие (2,6–2,9 см). Окончания накладок срезаны под острым углом или имеют незначительные скругления (рис. 2.-3, 9, 11). Срединные тыльные накладки — тонкие (0,2–0,5 см), весловидные, длинные (28–31 см), узкие (ширина у окончаний — 1,9–2,6 см, в средней части — 1,1–1,6 см), с выраженными лопаточковидными

² В курганах № 13 и 17 находились сломанные луки без концевых нижних накладок. Наличие только пяти накладок не является основанием для выделения их в самостоятельный тип.

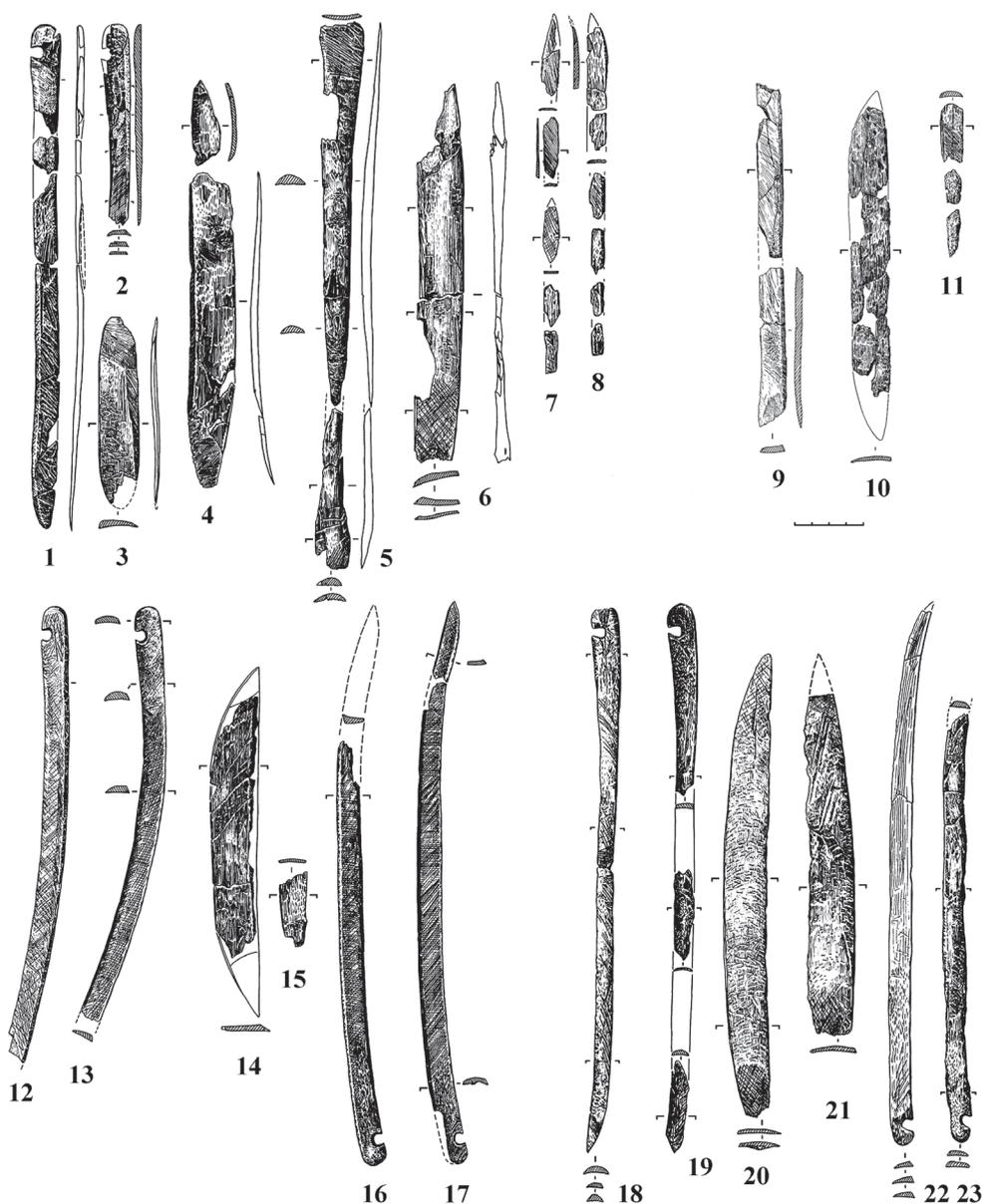

Рис. 1. Луки с костяными накладками из курганов: № 1 (1–8), № 2 (9–11), № 5 (12–17), № 6 (18–23)

окончаниями (рис. 2.-4, 10). Включает два лука из курганов № 7 (рис. 2.-1–6) и № 8 (рис. 2.-7–13).

Вариант б. Концевые верхние накладки — тонкие (0,3 см), дуговидные, длинные (в пределах 25–30 см), узкие (ширина в проекции головки — 1,6 см, в средней части длины — 1,3 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (рис. 3.-1–2). Срединные боковые накладки — тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (не менее 25 см), широкие (2,5 см) (рис. 3.-3, 5). Срединная тыльная накладка — тонкая (0,4 см) весловидная, длинная (от 27 см), узкая (ширина у одного окончания — 2,5 см, в средней части длины — 1,6 см), с трапециевидными окончаниями (рис. 3.-4). Включает лук из кургана № 17 (рис. 3.-1–5).

Вариант в. Концевые верхние накладки — тонкие (0,3–0,4 см), дуговидные, средней длины (до 20 см), узкие (ширина в проекции головки 1,5 см, в средней части длины — 0,9–1 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (тип 2) (рис. 2.-14–15). Срединные боковые накладки тонкие (0,2 см), дуговидные, средней длины (до 25 см), широкие (2 см) (рис. 2.-16, 18). Срединная тыльная накладка — тонкая (0,2–0,4 см), весловидная, длинная (25 см), узкая (ширина у окончаний — 1,9 см, в средней части — 1–1,1 см), с выраженными лопаточковидными окончаниями (рис. 2.-17). Всего один лук из кургана № 13 (рис. 2.-14–18). Размеры фрагментированных концевых накладок не позволяют сделать

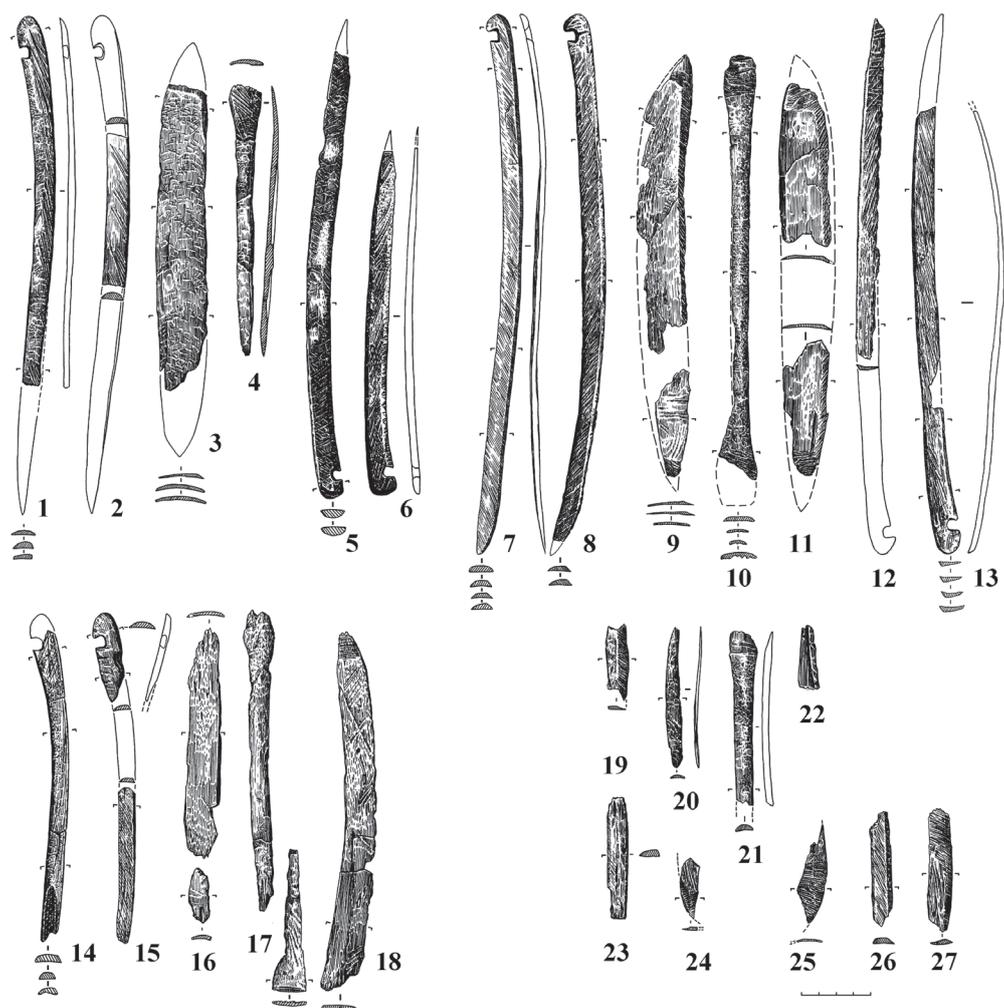

Рис. 2. Степушка-I. Луки с костяными накладками из курганов: № 7 (1-6), № 8 (7-13), № 9 (19-27), № 13 (14-18)

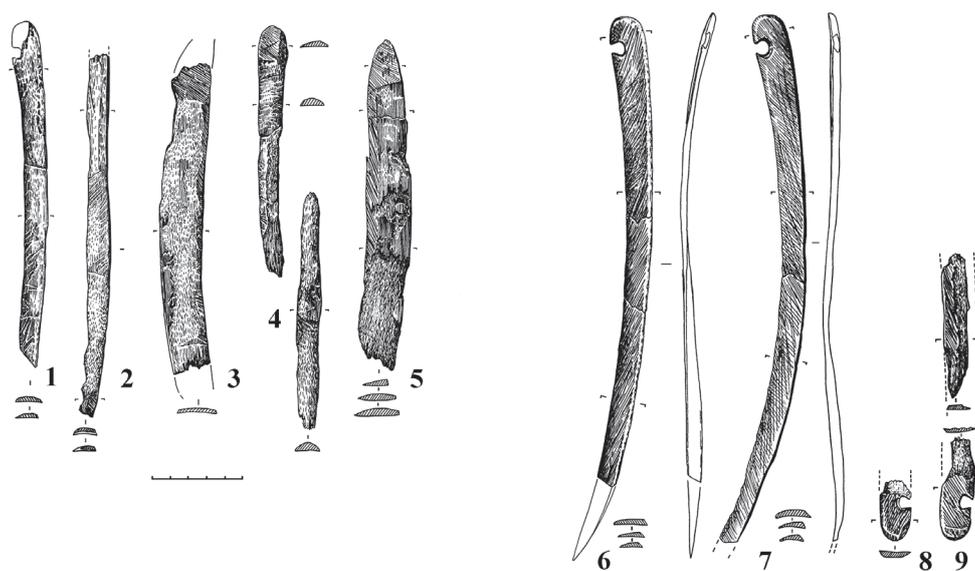

Рис. 3. Степушка-I. Луки с костяными накладками из курганов: № 17 (1-5) и № 19 (6-9)

однозначный вывод относительно соотношения длины плеч кибити. Однако, учитывая многочисленные комплекты, состоящие из полностью сохранившихся накладок в памятниках II в. до н. э. — V в. н. э. Алтая и других регионов, предпочтительно рассматривать их в качестве луков с асимметричными рогами.

Отдел II. Луки с шестью накладками.

Тип 3. Из четырех концевых и двух срединных накладок (концевых — четыре боковые; срединных — две боковые).

Вариант а. Концевые накладки — тонкие (0,3–0,4 см), дуговидные, длинные (29–32 см), узкие (ширина в проекции головки — 1,4–1,6 см, в средней части длины — 1,1–1,4 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (рис. 1.-12–13, 16–19, 22–23). Срединные боковые накладки — тонкие (0,3–0,4 см), сегментовидные с приостренными концами, длинные (около 27 см), широкие (2,5 см) (рис. 1.-14–15, 20–21). К этому типу относятся луки из курганов №5 (рис. 1.-12–17) и №6 (рис. 1.-18–23)³. Данные луки могли иметь асимметричные и одинаковые по длине рога.

В кургане №19 обнаружен лук с четырьмя сохранившимися концевыми боковыми накладками (рис. 3.-6–9), среди которых морфологическому описанию поддаются только экземпляры на верхнее плечо кибити. Они тонкие (0,2–0,3 см), дуговидные, длинные (около 30 см), узкие (ширина в проекции головки — 1,9–2 см, в средней части длины — 1,4–1,5 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы. Определить тип лука, к которому принадлежали данные образцы, не представляется возможным.

Луки из курганов №2 (рис. 1.-9–11) и №9 (рис. 2.-19–27) зафиксированы по мелким фрагментам концевых и срединных накладок, форма и размеры которых не устанавливаются.

Сложносоставные луки с длинной (преимущественно с асимметричной) кибитью появились у населения Алтая во II в. до н. э. под влиянием хуннской военной традиции и применялись до V в. н. э. По своим морфологическим характеристикам они существенно отличаются от луков кочевников этого региона эпохи Средневековья [10, с. 23].

Луки, усиленные комплектами из семи накладок, являются ведущей модификацией у многих кочевых народов Восточной Евразии конца I тыс. до н. э. — I-й половины I тыс. н. э. Они имели две пары боковых концевых, две срединные боковые (цельные, реже составные) и одну срединную тыльную накладки (типы 1, 2). Аналогичные по комплектации луки

³ Лук из кургана №6 имел длину не более 130 см. Несмотря на это, он был отнесен нами к разделу длинных луков. Уменьшенные размеры кибити обусловлены тем, что лук предназначался для подростка 12,5–13 лет (половозрастные определения сделаны заведующей кабинетом антропологии АлтГУ С.С. Тур).

встречаются на Алтае со II в. до н. э. в раннебулан-кобинских памятниках [10, с. 23–24]. Установление хронологии разных вариантов данного типа луков представляется сложным делом ввиду возможности их сосуществования даже в одной культурной среде. Определенно стоит утверждать, что луки типов 1 и 2, обнаруженные в курганах №1, 7 и 8, представляют собой местную версию их изготовления. Это демонстрируют особенности оформления накладок. Концевые боковые накладки имеют своим производным соответствующие хуннские экземпляры, от которых они отличаются меньшей шириной в области головки. Можно предположить, что узкие и длинные концевые накладки распространяются в булан-кобинской среде ближе к рубежу эр. Срединные боковые накладки трапециевидной формы с закругленными окончаниями выступают более поздней разновидностью хуннских сегментовидных накладок с прямым основанием [3, рис. 22.–3, 5; 21, табл. IV; 22, рис. 12, 14, 16; 23, рис. 4; 24, рис. 4–5, 8–9], которые применялись населением Алтая во II в. до н. э. — I в. н. э. [25, рис. 10.–5–6; 26, рис. 1.–3–4]. В Средней Азии трапециевидные накладки датируются II–V вв. н. э. [27, рис. 1.–2, 5; 28, рис. 87.–7, 9; 88.–4–5], а в Алтайской лесостепи — 2-й половиной IV–V вв. н. э. [10, с. 17]. Подобные накладки происходят из памятников булан-кобинской культуры II–V вв. н. э. [5, рис. 1.–5; 29, рис. 15.–5; 30, с. 180]. Срединные тыльные накладки большой длины с лопаточковидными окончаниями впервые появляются в хуннских (позднехуннских?) комплексах и становятся исходной формой для развития соответствующих элементов конструкции сложносоставных луков во II–V вв. н. э. [10, табл. I.–4, 7–8, 10; 31, рис. 6.–3; 30, с. 180]. Учитывая эти типологические наблюдения, а также время бытования луков типов 1 и 2 у населения булан-кобинской культуры, предпочтительно будет определить их датировку в широких рамках — II–V вв. н. э.

Луки с шестью накладками являются упрощенной версией типов 1 и 2, выражающейся в отсутствии срединной тыльной накладки (тип 3). Они известны уже у хунну. На Алтае и на территории Алтайской лесостепи луки данной комплектации встречаются со II в. до н. э. в раннебулан-кобинских и позднекаменских памятниках соответственно [26, рис. 1; 32, рис. 30, 34; 33, рис. 8, 14; 34, рис. 2]. Судя по особенностям оформления накладок, лук из кургана №5 (тип 3) — это местный образец оружия дистанционного боя, являющийся результатом развития хуннских и раннебулан-кобинских прототипов. Стоит отметить, что срединные боковые накладки сегментовидной формы характерны в большей степени для сяньбийских луков I–III вв. н. э. [35, рис. 1.–5–6]. Представленные аналогии дают основания для определения относительной хронологии обнаруженных луков типа 3 в пределах II–V вв. н. э.

Стрелы. Вещественные остатки стрел обнаружены в 12 мужских (курганы №1–5, 7–9, 13, 15, 17, 19), четырех кенотафах (курганы №1а, 12, 16, 18) и одном детском (курган №6) погребениях курганной группы Степушка-I. Данные изделия представлены почти исключительно железными наконечниками. Мелкие фрагменты пяти деревянных древков, найденные в кургане №19, не поддаются сравнительному изучению.

Общее количество зафиксированных наконечников стрел составило 49 экз. разной степени сохранности. В большинстве погребений найдено не более четырех стрел, уложенных без колчана, преимущественно справа от человека в проекции таза и бедер. В курганах №5, 7, 17, 19 зафиксировано компактное расположение наконечников стрел, что указывало о нахождении их в колчане, размещение которого варьировало: у бедра (слева или справа) либо рядом с левым плечом. Для классификационного исследования наконечников стрел нами были использованы 42 изделия полной и частичной сохранности, уверенно реконструируемые на основе сопоставления с целыми образцами.

Таксономическое группирование данных артефактов предусматривало их деление по следующим уровням: группа — материал изготовления, разряд — способ насада наконечника на древко, раздел — форма тела пера наконечника и его поперечное сечение, отдел — общий силуэт пера в продольной плоскости и наличие острия, тип — абрис пера, соотношение верхней и нижней части для ярусных наконечников, вариант — наличие упора и его конструкция [10, с. 27–28]. В результате выделена одна группа, один разряд, два раздела, четыре отдела, девять типов наконечников стрел, дополненных десятью вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Черешковые.

Раздел I. Трехлопастные.

Отдел I. Ярусные.

Тип 1. Треугольные — асимметрично-ромбические. Абрис верхнего яруса пера напоминает собой треугольник. Нижняя часть представляет собой ромб, стороны которого преломляются ближе к острию. Верхний ярус по размерам меньше нижнего. Размеры пера: 2,8x2 см. *Вариант а* — без упора. Всего — 1 экз. из кургана №9 (рис. 4.-1).

Тип 2. Ромбические — асимметрично-ромбические. Форма верхней части наконечника представляет собой ромб, форма нижней части — ромб, стороны которого преломляются ближе к острию. Верхний ярус по размерам меньше нижнего. Размеры пера: 4,7x1,9 см. *Вариант а* — без упора. Всего — 1 экз. из кургана №17 (рис. 4.-3).

Отдел II. Геометрические заостренные.

Тип 3. Треугольные. Размеры пера: 3,5x²,2 см. *Вариант а* — с лопастным упором. Всего — 1 экз. из кургана №1 (рис. 4.-4).

Тип 4. Асимметрично-ромбические. Силуэт пера в плане представляет собой ромб, у которого стороны преломляются ближе к острию. Некоторые наконечники снабжены округлыми прорезями в лопастях. *Вариант а* — с кольцевым упором. Размеры пера: 3,6–6,1x1,4–3 см. Всего — 15 экз. из курганов №5 (6 экз.), 7 (1 экз.), 8 (2 экз.), 13 (2 экз.), 17 (2 экз.), 19 (2 экз.) (рис. 4.-5–7, 9–11, 14, 16, 19; рис. 5.-1–6).

Тип 5. Ромбические. Размеры пера: 2–4,1x1,1–2,1 см. *Вариант а* — с кольцевым упором. Всего — 9 экз. из курганов №1а (3 экз.), 2 (1 экз.), 4 (1 экз.), 8 (1 экз.), 15 (2 экз.), 17 (1 экз.), 18 (1 экз.) (рис. 4.-2, 8, 12–13, 15, 17–18).

Тип 6. Шестиугольные. Размеры пера: 2,3–4x1,7–2,9 см. *Вариант а* — с кольцевым упором. Всего — 6 экз. из курганов №9 (1 экз.), 17 (3 экз.), 18 (1 экз.), 19 (1 экз.) (рис. 5.-7–12).

Отдел III. Негеометрические заостренные.

Тип 7. Листовидные. Размеры пера: 5,7x1,5 см. *Вариант а* — без упора. Всего — 1 экз. из кургана №3 (рис. 5.-13).

Раздел II. Четырехгранные.

Отдел III. Негеометрические заостренные.

Тип 8. Листовидные. Размеры пера: 5,7–7,2x1,5–1,7 см. *Вариант а* — с кольцевым упором. Всего — 5 экз. из кургана №19 (рис. 5.-15–18, 20).

Отдел IV. Геометрические срезни.

Тип 9. Четырехугольные. Размеры пера: 2,2–5x0,9–1,1 см. *Вариант а* — с кольцевым упором. Всего 3 экз. из курганов №12 (1 экз.) и №18 (2 экз.) (рис. 5.-14, 19, 21).

Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел являются самыми многочисленными в колчаных наборах многих кочевников Азии конца I тыс. до н.э. — 1-й половины I тыс. н.э. Такие изделия с ярусной формой пера и выделенным острием (типы 1 и 2) выполнены в хуннуской военной традиции, характерной чертой которой является небольшая длина верхнего яруса [4]. Идентичные образцы встречаются во многих культурах Центральной Азии и Южной Сибири во II–V вв. н.э. [10, с. 38]. На Алтае первые ярусные наконечники с такими морфологическими характеристиками появляются в булан-кобинских памятниках II — 1-й половины IV в. н.э. [4, рис. 2]. При этом стоит обратить внимание, что они пока не найдены в раннебулан-кобинских памятниках II в. до н.э. — I в. н.э., вещественные материалы которых демонстрируют сильное влияние культуры хунну. При объяснении данного факта следует учитывать по крайней мере два момента. Во-первых, имеющиеся археологические источники демонстрируют достаточно позднее (конец I в. до н.э. — I в. н.э.) появление ярусных наконечников у самих хунну, благодаря чему наконечники данных форм не успели «отложиться» в предметных комплексах племен Алтая конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. Во-вторых, ярусные

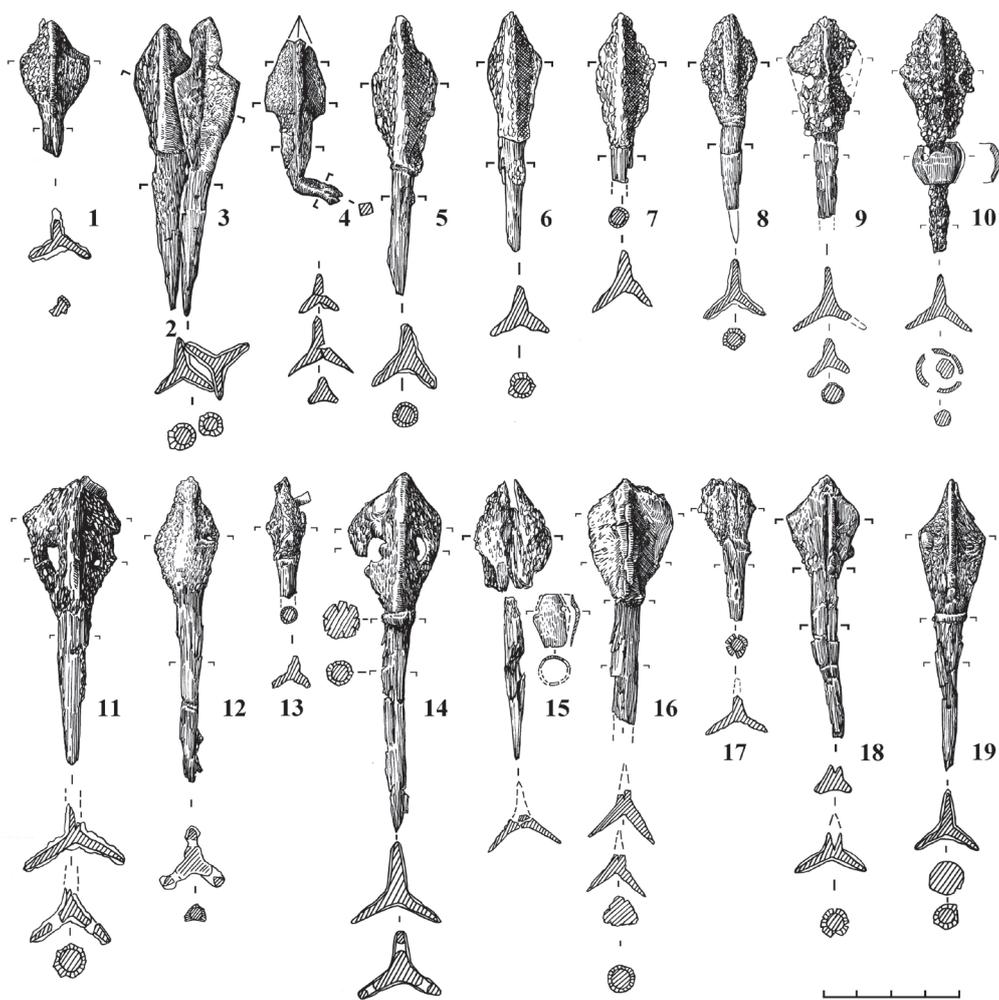

Рис. 4. Железные наконечники стрел из курганов: № 1 (4), № 2 (8), № 4 (17), № 5 (5, 6, 7), № 8 (9, 10, 18), № 9 (1), № 13 (11), № 15 (12, 13), № 17 (2, 3, 14, 19), № 18 (15), № 19 (16)

наконечники стрел (наряду с костяными наконечниками с расщепленным насадом) являются этнографической чертой вооружения хунну, что исключало применение данных модификаций в инокультурной среде в период могущества их державы.

В дальнейшем ярусные наконечники стрел встречаются в памятниках булан-кобинской культуры 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. и одинцовской культуры 2-й половины IV — 1-й половины VII в. н.э. [10, с. 38]. Относительная хронология наконечников стрел типов 1 и 2 определяется в рамках II–V вв. н.э. Имеющиеся статистические выкладки по распределению наконечников данного типа в разновременных закрытых комплексах булан-кобинской культуры не позволяют сделать вывод о периоде их максимального широкого использования.

Наконечники с заостренной геометрической формой пера треугольной (тип 3), асимметрично-ромбической (тип 4), ромбической (тип 5), шестиугольной (тип 6) формы встречаются довольно широко в воин-

ских арсеналах кочевников Азии. В центральноазиатском регионе они впервые появляются у хунну в конце III в. до н.э. — I в. н.э. [36, рис. 5.-14]. На территории Алтая такие наконечники стрел массово представлены в булан-кобинских памятниках II–V вв. н.э. Похожие экземпляры зафиксированы в комплексах кулайской общности III — 1-й половины IV н.э. (тип 3), одинцовской культуры 2-й половины IV — 1-й половины VIII в. н.э. (типы 3, 5, 6), тюркской культуры 2-й половины V–XI в. н.э. (типы 3, 5, 6), а также в более поздних археологических материалах Алтая и алтайской лесостепи раннего и развитого Средневековья [10, с. 38].

Наконечники с листовидной формой пера типа 7, вероятно, заимствуются населением Алтая с территории Тувы, где они появляются во II–III вв. н.э. [36, рис. 28]. В дальнейшем наконечники данного типа зафиксированы в памятниках следующих культур: булан-кобинской 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э., одинцовской 2-й половины IV — V вв. н.э., тюркской 2-й половины V — XI вв. н.э.; сrostкинской

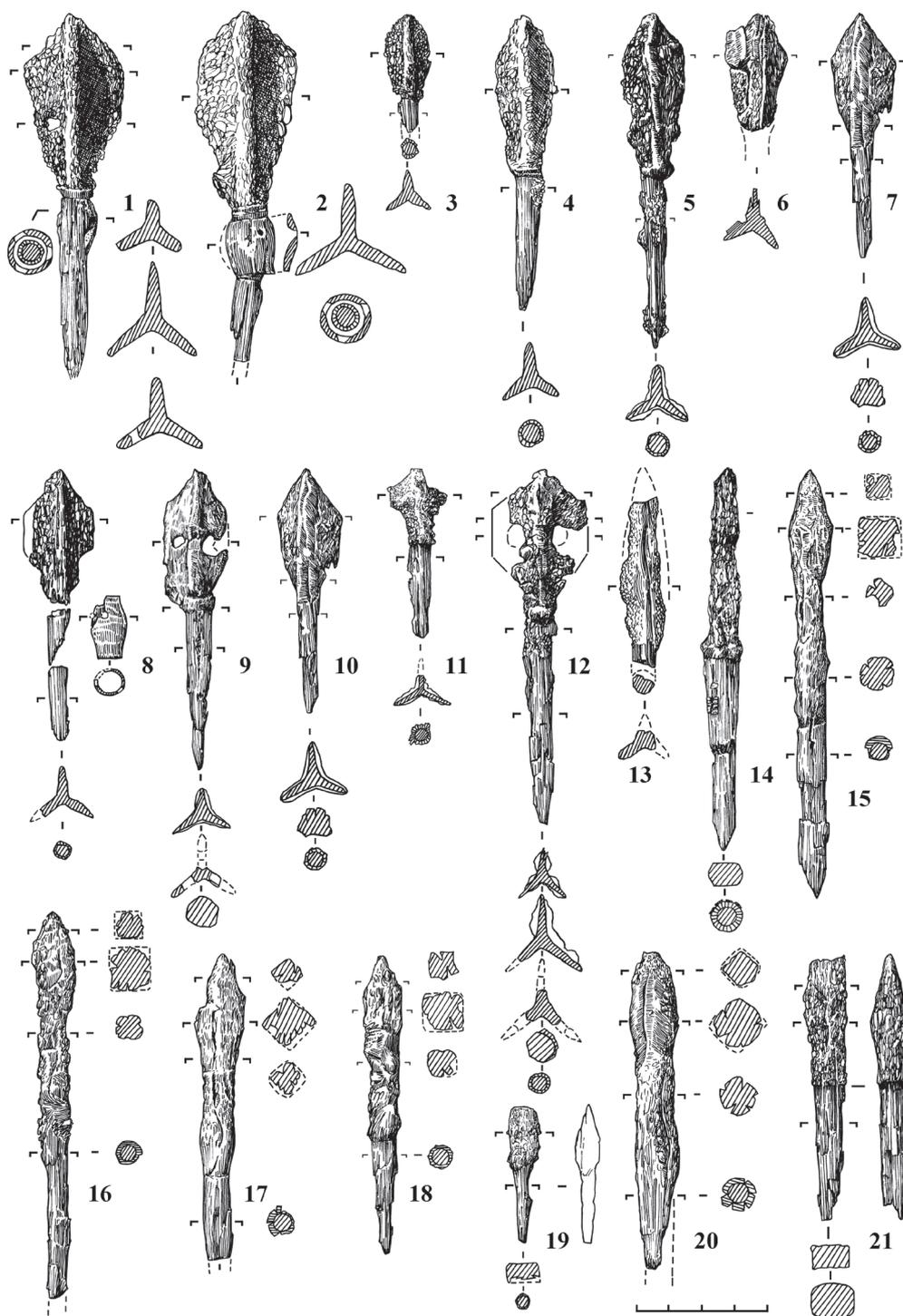

Рис. 5. Железные наконечники стрел из курганов: № 3 (13), № 5 (1, 2, 4), № 7 (3), № 12 (19), № 13 (5), № 17 (7, 9-10), № 18 (8, 14, 21), № 19 (6, 12, 15-18, 20)

2-й половины VIII — XII вв. н.э.; кыргызской 2-й половины IX — 1-й половины X в. н.э. [10, с. 42].

Четырехгранные наконечники появляются в последней четверти I тыс. до н.э. и используются до II тыс. н.э. [26, рис. 81; 36, рис. 97]. Среди них экземпляры

с листовидным пером (тип 8) находят редкие аналогии в Туве в материалах могильника Кокэль (курган № 26) конца III — IV вв. н.э. и на Тянь-Шане в комплексах кенкольской культуры IV в. н.э. [27, рис. 6.-11-12; 36, с. 71, рис. 27.-21]. Наконечники типа 8 свидетельствуют

о знакомстве «булан-кобинцев» с передовыми средствами поражения защитного металлического доспеха, получившего широкое применение на Алтае со 2-й половины IV в. н.э. [37]. На территории Алтая наконечники данного типа встречаются в памятниках 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. [10, с. 41; 38, рис. 3]. Бронебойные геометрические срезы четырехугольной формы (тип 9) появляются у населения кокзельской культуры Тувы в конце III — IV вв. н.э. [36, рис. 27.-5–11], от которых они в IV в. н.э. (вероятно, ближе к середине столетия) попадают на Алтай. Наконечники типа 9 количественно преобладают в булан-кобинских комплексах 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. (Кок-Паш, Дялян, Верх-Уймон) [10, с. 41]. Типы 8 и 9 могут происходить от наконечников сяньбийской военной традиции I — начала III в. н.э. [39, рис. 71.-4; 74.-1; 77.-2, 3, 4; 78.-12, 13].

Колчан. Остатки колчана зафиксированы в кургане № 19. Он представлял собой кожаный или матерчатый футляр цилиндрической формы с деревянным дном (диаметром 9,2 см, толщиной 1,2 см), фиксирующимся с помощью системы отверстий диагонального сверления. На одну сторону днища был нанесен резной орнамент в виде дуг и полукружий, образующих симметричный узор (рис. 6). За пределами Алтая колчаны с деревянным донцем без крышки отмечены в коллекциях воинского снаряжения могильника Кокэль (Западная Тува) конца III–IV вв. н.э. [40, рис. 25.-9; 57.-5; 70.-3; 76.-2; 112.-1; 41, табл. II.-15; 42, рис. 44]. В булан-кобинской культуре колчаны являются достаточно редкой находкой, что обусловлено плохой сохранностью органических материалов в захоронениях. Например, несколько похожих деревянных днищ происходит из некрополя Бош-Туу-1 (не опубликованные материалы раскопок Ю. Т. Мамадакова), относящегося ко II–III вв. н.э. Обнаруженный образец также можно сопоставить с колчанами из погребений раннежужанского времени (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.) некрополя Яломан-II [43, с. 168, рис. 3.-1–7] с той существенной разницей, что у последних имелась деревянная крышка и дополнитель-

ные крепежные элементы в виде деревянных планок. Могут ли данные различия в конструкции колчанов обусловлены причинами хронологического характера, пока сказать трудно. Однако стоит заметить, что своему оформлению «яломанские» колчаны в большей степени сопоставимы с раннесредневековыми модификациями, что косвенно указывает на их более «молодой» археологический возраст ближе к середине V в. н.э.

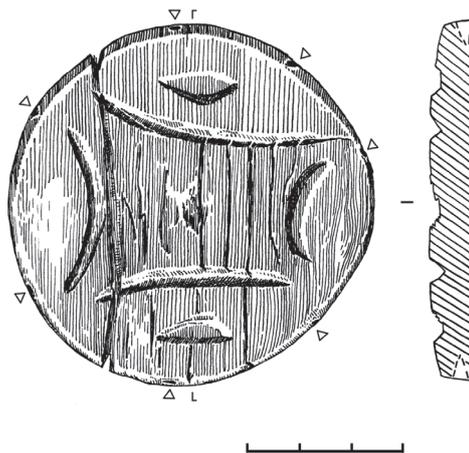

Рис. 6. Деревянное днище колчана из кургана № 19.

Таким образом, коллекция артефактов из могильника Степушка-I, несмотря на свою немногочисленность, демонстрирует развитый арсенал наступательного вооружения дистанционного боя населения булан-кобинской культуры Алтая в сяньбийско-жужанское время. Большинство типов сложносоставных луков и железных наконечников стрел датируются в широких хронологических рамках II–V вв. н.э. Исключение составляют специфические по внешнему облику бронебойные наконечники, характерные для IV–V вв. н.э. Важно подчеркнуть, что в проанализированной серии отсутствуют модификации оружия, характерные для местного населения хуннуского периода [44–46].

Библиографический список

1. Кирюшин Ю. Ф., Шмидт А. В., Тишкин А. А., Матренин С. С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. — Барнаул, 2011. — Вып. 7.
2. Елин В. Н. Восточный Алтай в предтюрокское время (хронология и культурная принадлежность памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 1987.
3. Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. — Горно-Алтайск, 1992.
4. Неверов С. В., Мамадаков Ю. Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. — Барнаул, 1992.
5. Худяков Ю. С., Эбель А. В., Кочеев В. А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тыттукем в Горном Алтае //

Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. — Барнаул, 1998.

6. Эбель А. В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1998.

7. Худяков Ю. С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 2002.

8. Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Труды гуманитарного факультета НГУ. — Новосибирск, 2004. — Сер. II. — Вып. 1.

9. Соенов В. И. Комплекс вооружения населения Верхней Катунь в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. — Барнаул, 2005.

10. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). — Барнаул, 2006.

11. Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. — Вып. 3. — Алматы, 2011.

12. Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. — Барнаул, 2012.

13. Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. — Улан-Батор, 2012.

14. Матренин С. С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 4/1 (80).

15. Матренин С. С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам курганной группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. — Барнаул, 2013.

16. Тишкин А. А., Матренин С. С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 4/1 (80).

17. Тишкин А. А., Матренин С. С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // КСИА. — Вып. 231. — 2013.

18. Тишкин А. А., Матренин С. С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. — 2013. — № 1 (7).

19. Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Кенотафы сяньбийско-жужанского времени могильника Степуш-

ка-I // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. — Барнаул, 2013.

20. Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Степушка-I — памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. — Челябинск, 2013.

21. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976.

22. Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985.

23. Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. — Новосибирск, 1990.

24. Эрдэнэбаатар Д., Турбаг Ц., Худяков Ю. С. Хуннское оружие дистанционного боя из могильника Эгин-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. — 2003. — Т. 2. — Вып. 3.

25. Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Вып. 18. — Л., 1977.

26. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. — № 2. — Горно-Алтайск, 1997.

27. Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987.

28. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. — М., 1996.

29. Соенов В. И., Эбель А. В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. — № 3. — Горно-Алтайск, 1998.

30. Суразаков А. С. Горный Алтай в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // История Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 2002.

31. Мамадаков Ю. Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул, 1985.

32. Худяков Ю. С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. — Кемерово ; Гурьевск, 1998.

33. Соенов В. И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. — Горно-Алтайск, 1999. — № 4.

34. Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 1999.

35. Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. — Горно-Алтайск, 2000. — № 5.

36. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986.

37. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). — Барнаул, 2003.
38. Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. — Челябинск, 2007.
39. Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. — Чита, 2005.
40. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сын-чурекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — Т. III. Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. — Л., 1970.
41. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — М. ; Л., 1966. — Т. II.
42. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. — Л., 1970.
43. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. — Челябинск, 2007.
44. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. — 2006. — № 3.
45. Gorbunov V. V., Tishkin A. A. Weapons of the Gorny Altai Nomads in the Hunnu Age // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. — 2006. — № 4 (28).
46. Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : дис. ... д-ра ист. наук. — Барнаул, 2006.